

ДОН НИГРО

ОГР

Дон Нигро Огр

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53813795*

Аннотация

Восемь актеров (2 женские и 6 мужских ролей). Пьеса о любви, которая убивает, пусть и подсознательно. В 1898 г. известный американский писатель Стивен Крейн приехал в Англию со своей любовницей Корой Тейлор, которую выдавал за жену. Они арендовали старый, сырой, холодный, да еще с призраками, особняк в Суссексе. Едва ли это был удачный выбор местожительства, учитывая, что Крейн болел туберкулезом и перенес малярию, но Кора настояла. Так вышло, что поблизости жили будущие классики англоязычной литературы: Генри Джеймс, Редьярд Киплинг, Джозеф Конрад, Форд Мэдокс Форд. Писатели и призраки – это крутой замес, из которого «выпеклась» интереснейшая, захватывающая пьеса. Умер Стивен Крейн в 1900 году, не дожив до 29 лет. Кора пережила его на десятилетие.

Содержание

Действие первое	7
1	7
2	11
3	16
4	21
5	27
6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дон Нигро

Огр¹

«Что забавно, жизнь – это загадочное уложение безжалостной логики ради тщетной цели. Самое большое, что ты можешь получить от нее – это какие-то знания о себе, которые еще и придут слишком поздно, чередой неизбывных сожалений».
Джозеф Конрад «Сердце тьмы».

«Ему оказали бы немалую услугу, если б убили».
Форд Мэдокс Форд «Солдат всегда солдат».

Восемь актеров (2 женские и 6 мужских ролей). Пьеса о любви, которая убивает, пусть и подсознательно. В 1898 г. известный американский писатель Стивен Крейн приехал в Англию со своей любовницей Корой Тейлор, которую выдавал за жену. Они арендовали старый, сырой, холодный, да еще с призраками, особняк в Суссексе. Едва ли это был удачный выбор местожительства, учитывая, что Крейн болел туберкулезом и перенес малярию, но Кора настояла. Так вышло, что поблизости жили будущие классики англоязычной литературы: Генри Джеймс, Редьярд Киплинг, Джозеф Конрад, Форд Мэдокс Форд. Писатели и призраки – это крутой замес, из которого «выпеклась» интереснейшая, захватывающая пьеса. Умер Стивен Крейн в 1900 году, не дожив до 29 лет. Кора пережила его на десятилетие.

Действующие лица:

МАРТИ

СЭР ГОДДАРД ОКСЕНБРИДЖ²

ФОРД МЭДОКС ХЮФФЕР

КОРА ТЕЙЛОР/МАДАМ ЗИПАНГО/МИСС ДЖЕССЕЛ

СТИВЕН КРЕЙН/ПИТЕР КВИНТ

ДЖОЗЕФ КОНРАД/МИСТЕР КУРТЦ

ГЕРБЕРТ ДЖОРДЖ УЭЛЛС/ДОКТОР МОРО

ГЕНРИ ДЖЕЙМС

Декорация:

Брид-Плейс³ – большой, древний, сырой, холодный, населенный призраками особняк неподалеку от Ромни-Маш, на юге Англии, в 1899-1900 гг., иногда другие места. Одна простая декорация представляет все места действия одновременно, тут и там предметы старой мебели. Ощущение старого, темного, продуваемого насквозь английского особняка, мебель и бутафория настоящие, но сама декорация реалистичной не выглядит, и действие плавное, как сон. Декорация не меняется, разрывов между картинами нет. Актеры часто остаются на сцене, видимые зрителю и не выхо-

² Сэр Годдард Оксенбридж/Sir Goddard Oxenbridge (1478-1531) – землевладелец из Суссекса, по прозвищу Великан или Великан из Брида, его рост составлял 7 футов. По слухам ел младенцев. Отсюда и название пьесы. Подробнее в https://en.wikipedia.org/wiki/Goddard_Oxenbridge

³ Брид-Плейс – подробнее об этом особняке здесь: <http://www.mysteriousbritain.co.uk/hauntings/brede-place/>

дя из роли, пусть даже не участвую в той или иной картине. Непрерывность действия абсолютно необходима в любой постановке пьесы. Движение спектакля – неотъемлемая его составляющая.

Действие первое

1

Темнота дома

(Завывания ветра. МАРТИ, молодая женщина, в Бриде, окутана лунным светом, и ФОРД, в другом времени и месте, сидит в кресле, в отсвете невидимой лампы для чтения).

МАРТИ. Вороны за моим окном в кроне дуба, на котором вешали ведьм, ночью, из-за сов, и яично-желтая луна. Потерянная, говорю я. Прикосновения здесь запрещены.

(Карканье ворон).

ФОРД *(разговаривая с невидимым другом после обеда, годы спустя)*. Я уверен, мало кому известно, что в 1899 году, накануне нового столетия, в Суссексе, около Ромни-Маш, на удивление много выдающихся писателей проживали в непосредственной близости друг от друга, буквально на расстоянии вороньего полета.

(Карканье ворон).

МАРТИ. Так часто мне приходилось бороться с ужасом и заставляя себя все глубже заходить в темноту дома, лишь для того, чтобы обнаружить, что это существо следует за

мною...

ОКСЕНБРИДЖ (*голос из темноты, за пределами полосы лунного света*). Дитя...

МАРТИ. Оставь меня в покое. В этом месте прикосновения запрещены.

ФОРД. Киплинг жил в Барваше, Конрад – в Пент-Фарм, Генри Джеймс – в городе Рай, Герберт Уэллс – в Сэндгейте, а Брид-Плейс, древний, разваливающийся особняк, принадлежащий Моретону Фривену⁴, арендовал Стивен Крейн, молодой американский писатель, поселившийся там со своей женой... которая на самом деле женой ему не была. И как нам следует ее называть?

(Как только он упоминает Крейна, на сцене появляются Стивен и Кора, с интересом оглядываются, осматривая особняк. Они не видят ни Марти, ни Форда).

МАРТИ. Лиса в курятнике. Совы шуршат под сливами крыши. Кровь на чистой простыне. Кто-то идет.

ОКСЕНБРИДЖ. Пройди в дом, дитя.

ФОРД. Если говорить о нас, писателях, которые в те далекие дни жили в домах другу друга, смеялись, спорили, сотрудничали, думаю, самой печальной является история Стивена Крейна. Если на то пошло, это история с призраками.

МАРТИ. В дожде кровь.

ФОРД. Не то, чтобы я в них верю.

⁴ Моретон Фривен/Moreton Friwen (1853-1924) – личность весьма интересная, но не писатель. (См. https://en.wikipedia.org/wiki/Moreton_Frewen).

МАРТИ. Шипы, рвущие плоть.

ФОРД. Это ближе Джеймсу.

МАРТИ. Волки собираются под яблонями.

ФОРД. Стивен Крейн, среди прочего, был весьма пронизательным молодым человеком.

МАРТИ. Что-то выклевало ему глаза.

ФОРД. Он мог увидеть призрака смерти, идущего по дорожке, открыть дверь и предложить сигару.

ОКСЕНБРИДЖ. Пойди в дом, дитя, а не то тебя заберет смерть.

ФОРД. И однако, «мертвые зоны» есть у нас всех, даже самых пронизательных. Взглядом холодным встретить⁵, сказал Йейтс. Исходя из моего опыта, легче сказать, чем сделать.

МАРТИ. Здесь так одиноко. Яблони сломаны. Ночью голоса, в доме.

КОРА. Это рай.

МАРТИ. Что-то здесь есть.

КОРА. Абсолютный рай.

МАРТИ. Что-то живет в этом доме.

СТИВЕН. Это какая-то сырая часть рая, или ты так не думаешь?

МАРТИ. Мужчина и женщина. Потерянные люди.

КОРА. Только потому, что камин не топили целую вечность.

⁵ Из эпитафии на могиле (изначально из стихотворения «В тени Бен-Балбена»): «Cast a cold eye/On life, on death./Horseman, pass by!».

ФОРД. Я думаю, Крейн чувствовал: что-то жуткое случится в этом заброшенном доме.

ОКСЕНБРИДЖ. Пожалуйста, дитя...

ФОРД. Там словно затаился ужас, выжидающий удобный момент, чтобы вырваться наружу.

КОРА. Это потрясающий старинный дом.

ФОРД. На удивление сырой, холодный и вроде бы полный воронья.

(Карканье ворон).

КОРА. Стиви, я превращу его в уютное гнездышко.

МАРТИ. Конечно, они погибнут. *(Свет, падающий на МАРТИ и ФОРДА, меркнет)*. Это неизбежно.

(Завывания ветра, карканье ворон. СТИВЕН и КОРА выходят на авансцену. МАРТИ уходит в темноту, но ФОРД остается в кресле, в тених, на время следующей картины).

И я полагаю, тут обитают призраки

(Январь 1899 г. Стивен и Кора ходят по Брид-Плейс, осматриваются. СТИВЕНУ 28 лет. КОРА – жизнерадостная, энергичная молодая женщина с впечатляющей фигурой).

КОРА. Моретон отдает нам особняк за сорок фунтов в год. Мы, считай, крадем у него.

СТИВЕН. Что ж, кто-то постоянно крадет у кого-то, это закон жизни. И я полагаю, тут обитают призраки.

КОРА. Разумеется, обитают. Я бы не захотела его брать, если бы не обитали. Именно поэтому он отдает нам особняк практически даром.

СТИВЕН. На самом деле, Кора, я думаю, он стремится отдать его тебе.

КОРА. И что ты хочешь этим сказать?

СТИВЕН. Не притворяйся, будто ты не заметила, что Моретон хочет переспать с тобой.

КОРА. Что ж, он хочет переспать со мной. Все хотят переспать со мной. Я была бы разочарована, если бы он не хотел. Но он также страшно обрадован тем, что арендатором его особняка станет знаменитый американский писатель.

СТИВЕН. Он думает, что сырость убьет меня, и тогда ты

достанешься ему.

КОРА. Какая разница, о чем думают люди? Важно другое – получаешь ты желаемое или нет. А мы можем получить этот восхитительный старинный английский особняк практически бесплатно. Тебе он действительно не нравится?

СТИВЕН. Не кажется тебе, что он несколько великоват для двоих?

КОРА. Вдвоем мы здесь жить и не будем. Наполним особняк множеством людей.

СТИВЕН. Каких людей?

КОРА. Не знаю. Я кого-нибудь найду. Мне легко удастся отыскивать интересных людей. Это одно из моих достоинств.

СТИВЕН. И что бы собираешься делать? Похищать людей на улицах?

КОРА. Мы будем приглашать их приехать и пожить у нас. Художников, интеллектуалов, сирот. В Ромни-Маш полным-полно знаменитостей. Генри Джеймс живет в Рае. Киплинг не так и далеко. Гербер Уэллс. Джозеф Конрад. Мы будем принимать гостей.

СТИВЕН. Не хочу я принимать гостей. Я писатель.

КОРА. Да перестань. Общение с людьми идет тебе только на пользу.

СТИВЕН. Кора, я уже наобщался с людьми. Рос самым младшим в доме, набитом людьми под самые стропила. Все детство занимался только одним – увертывался, и далеко не всегда удачно, от ног, которые так и норовили меня растоп-

тать. Если честно, меня тошнит от людей. И удобства здесь средневековые.

КОРА. То есть тебе здесь противно?

СТИВЕН. На самом деле, нет. Сам не могу в это поверить, но какую-то мою часть тянет сюда. Этот особняк странным образом мне знаком, напоминает кошмарный сон, который я могу вспоминать лишь фрагментами, когда какой-то из них становится явью.

КОРА. Если тебя от него тошнит, полагаю, мы можем найти что-нибудь еще, поменьше размерами и современное, раз ты этого хочешь.

СТИВЕН (*видит ее разочарование*). Но там не будет призраков. А призраки – это обязательно. Мы знаем, как ты обожаешь призраков.

КОРА. Я обожаю Стивена Крейна, знаменитого писателя и военного корреспондента. Больше, чем любой сырой старый дом. Больше, чем всех призраков Англии, я обожаю красивого, отчаянного, бесстрашного, пронизательного Стивена Крейна.

СТИВЕН. И больного туберкулезом. Не забывай про туберкулез. Добавляет романтичности. Китс, и все такое.

КОРА. Ты – не Китс. Твои стихотворения не рифмуются, и ты здоров, как лошадь. А еще ты заметно укрепишь здоровье, гоняясь за мной по всему этому старому особняку. Мы поставим целью совокупиться в каждой комнате, одной за другой, а потом пойдем по второму кругу.

СТИВЕН. Господи! Это и есть мой кошмарный сон.

КОРА. Заниматься со мной любовью – твой кошмарный сон?

СТИВЕН. Нет. Просто я вдруг вспомнил его. В кошмаре я иду по бесконечным коридорам, попадаю в комнаты, которые ведут в другие комнаты, в большом, темном, старом доме, таком же, как этот. Это дом из моего сна.

КОРА. Все ясно. Это знак. Этот дом – наша судьба. И он точно полон призраков. Моретон говорил мне о девушке, которая повесилась в саду, а семьдесят с чем-то лет тому назад в часовне вырыли скелет священника.

СТИВЕН. Как я понимаю, неординарными были здесь эти годы.

КОРА. Так и жить нужно только в такие годы.

СТИВЕН. Тогда нам с тобой повезло, потому что мы уже провели не один год в неординарных местах с крайне неординарными людьми. Полагаю, этот обсиженный летучими мышами мавзолей подходит нам, как ничто другое.

КОРА. Над крыльцом красная комната, идеальный вариант для твоего кабинета. Ты сможешь запирается там и писать, сколько хочешь, при условии, что время от времени будешь спускаться вниз и здороваться со всеми этими интересными людьми, которые будут приезжать к нам.

СТИВЕН. А поскольку с туалетами здесь беда, полагаю, наши интересные гости будут, по большей части метаться по дому и поместью, чтобы найти укромное место, где они смо-

гут без помех облеγχиться.

КОРА. Ох, Стиви, мы здесь будем счастливы. Мы сможем даже притвориться, будто женаты. Мы станем чуть ли не респектабельными.

КРЕЙН. Пусть это напишут на моем надгробии. Стивен Крейн – почти респектабельный.

(Над головой слышится хлопанье крыльев).

КОРА. Что это? Ты слышал? *(Указывает вверх)*. Смотри. Там что-то черное. Похоже, у нас тут летучие мыши. Надо обязательно пригласить Брэма Стокера. И клянусь, я слышала, как кто-то ходил по кухне. *(Звук сдвигаемого стула)*. Опять, как по заказу. Словно дом нас подслушивает. *(Уходит темноту к заднику)*.

СТИВЕН *(оглядываясь)*. Когда ты смотришь в бездну, бездна смотрит на тебя.

КОРА *(кричит за сценой)*. Что-то на кухне. Но не волнуйся. Всего лишь огромная крыса. В Джексонвилле я знала одну женщину, практиковавшую вуду, которая прекрасно их готовила. С красным перцем и фасолью.

(СТИВЕН все оглядывается, жене не слышит. Свет медленно меркнет. Карканье ворон, завывание ветра).

Она обожала полировать мужнины яйца

(Свет падает на ФОРДА, по-прежнему сидящего в кресле, и пока он говорит, мы видим ДЖОЗЕФА КОНРАДА, вышагивающего за его спиной и ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА, который смотрит на него в некотором изумлении. У КОНРАДА остроконечная борода, монокль и легкий польский акцент. УЭЛЛС невысокого роста и с усами. ФОРД выглядит моложе, когда говорит с остальными).

ФОРД. В определенный период времени я сдавал Пент-Фарм Конраду и сотрудничал с ним в нескольких интересных проектах. Он вкладывал свою гениальность, а я помогал ему с английским. Герберта Уэллса наше сотрудничество в немалой степени забавляло.

КОНРАД. Но я не понимаю, почему мы не можем просто сказать, что она обожала полировать мужнины шары.

ФОРД. Потому что в этом контексте, на английском, шары будут приняты за яйца.

КОНРАД. Но я говорю не о яйцах.

ФОРД. И я о том же.

КОНРАД. Английский – чертовски раздражающий язык.

Почему шары не могут быть просто шарами?

ФОРД. Могут, за исключением тех случаев, когда они – яйца.

УЭЛЛС. Ради Бога, Форд, почему бы тебе не оставить Конрада в покое? Ты губишь его неподражаемый стиль.

ФОРД. Он хочет, чтобы я ему помогал.

УЭЛЛС. Он не знает, чего хочет. В этом вся прелесть. Именно этого нашей стране не хватает: писателей, которые не говорят на английском.

КОНРАД. Премного вам благодарен.

УЭЛЛС. На самом деле это прекрасно. Благодаря вам язык вновь становится живым. Ничто не дает более сильного импульса английской прозе, чем невежественный гений. Если он хочет, чтобы эта женщина полировала мужнины яйца, пусть полирует.

КОНРАД. Но я не хочу быть невежественным гением. Я хочу писать, как Генри Джеймс.

УЭЛЛС. Господи, нет. Только не это.

ФОРД. Вы не думаете, что Джеймс – гений?

УЭЛЛС. Мое уважение к Генри Джеймсу безмерно. Нет другого такого писателя, гениальность которого не вызывает сомнений, в чью толстую физиономию я с большим⁶ удовольствием запустил бы кремовый торт. Уважительно, но при этом от всей души. Джеймс прилагает невероятные усилия для того, чтобы плести сложную вязь наречных оборо-

⁶ Ударение на первом слоге.

тов, в которых нет ровно никакого смысла. Он похож на гип-попотама, пытающегося поднять горошину.

КОНРАД. Я думаю, писатели должны быть сострадательнее друг к другу. Писательство – это агония.

УЭЛЛС. Если это агония, почему они пишут?

КОНРАД. Почему вы пишете?

УЭЛЛС. Чтобы заработать деньги, естественно. И чтобы повлиять на человеческое мышление.

КОНРАД. Извините, но это глупость.

УЭЛЛС. Зарабатывать деньги? Или влиять на человеческое мышление.

КОНРАД. Деньги, безусловно нужны, но никто не может изменить человеческое мышление. За всю историю человечества не было двух людей, которые могли действительно понять друг друга. Тому пример – моя жена и я.

УЭЛЛС. Чушь.

КОНРАД. Вы понимаете свою жену?

УЭЛЛС. Мы с женой достигли взаимопонимая, что нет нам нужды стараться понять друг дружку.

КОНРАД. Моя жена – замечательный человек. Я отношусь к ней очень плохо. Она думает, что я этого не осознаю, но я осознаю. Ничего не могу поделать. Правда в том, что я, как сказали бы вы, англичане, эгоистичный мерзавец.

УЭЛЛС. Естественно. Вы – писатель. Другим просто и быть не можете.

ФОРД. Я в это совершенно не верю.

УЭЛЛС. Назовите мне хотя бы одного хорошего писателя, который не эгоистичный мерзавец.

ФОРД. Стивен Крейн не эгоистичный мерзавец.

УЭЛЛС. Отнюдь. Он пишет ради денег, как и я.

КОНРАД. Я в восторге от Крейна. У него улыбка человека, который знает, что не задержится на этой земле. Хотя он устраивает довольно загадочные турниры гляделок с нашим младенцем. Говорит, что младенец никогда не позволяет ему выиграть, потому что знает больше, чем он. Я думаю, Крейн – человек искренний, хотя ему нравится прикидываться, будто он не такой.

УЭЛЛС. Я иногда завидую людям, которые действительно глубоко все чувствуют. Не часто, и не так, чтобы сильно. Сам я всегда думаю о том, что впереди, готов двинуться к следующей книге или к следующей женщине, в зависимости от того, до чего смогу добраться раньше. Но эмоционально я мелок, как рыбный садок. Полагаю, в писательстве мы ограничены нашими человеческими недостатками.

ФОРД. Не обязательно.

КОНРАД. Я поделюсь с вами тайной истиной. Никому не нужна жизнь. Всем нужно искусство. Они просто этого не знают. Думают, что хотят жить, но отведав ее истинный вкус, достаточно быстро меняют свое мнение. Только искусство может приносить удовлетворенность, да и то не в достаточной степени. Задача творческого человека – спасти фрагменты личного опыта, откровения, которые выпадают на на-

шу долю. Это так трудно сделать на родном языке, и тем не менее, я здесь, пробираюсь ощупью в дебрях этого очень странного языка. Все равно, что блуждать в кошмарном сне кого-то другого.

УЭЛЛС. Та же история со Стивенем Крейном. Вы заглядывали к ним в Брид?

ФОРД. Вроде бы все у них неплохо, с учетом обстоятельств. Кора взяла в дом любовницу бедного умершего Гарольда Фредерика и всех его незаконнорожденных детей, и свору диких собак, и еще Бог знает кого. Не могу представить себе, как Крейну удастся работать в таком аду. Но зиму они, во всяком случае, пережили. А это уже тянет на чудо. И Кора такая находчивая. Кровать с пологом на четырех столбиках, в которой они спят, она вернула в дом из курятника. Подозреваю, вместе с курами.

КОНРАД. Как насчет полировать его кий.

ФОРД. Что?

КОНРАД. Могу я сказать, что она обожала полировать мужчин кий?

ФОРД. Нет. Сожалею. Это из той же оперы.

КОНРАД. Оперы? Да кто говорит об опере? Англичане все безумные?

ФОРД. Если на то пошло, да. И в этом главная прелесть.

КОНРАД. Может, мне лучше писать на немецком?

(Свет медленно меркнет, и мы слышим приближение грозы).

Прикосновения здесь запрещены

(Звуки грозы, девушка плачет в темноте. Дом, ночь. Появляется СТИВЕН, с лампой, маленький круг света в темноте. Свет падает на МАРТИ).

СТИВЕН. Ох. Извините. Могу я вам чем-то помочь?

МАРТИ. Не думаю, что кто-нибудь может мне помочь.

СТИВЕН. Вы укрылись в доме от грозы?

МАРТИ. Полагаю, что да, в какой-то момент.

СТИВЕН. Кора никогда не запирает двери. Считает, что это невежливо по отношению к грабителям, да и в любом случае красть у нас нечего, если только кому-то нужны тараканы. Вы, вероятно, постучали, но мы вас не слышали за всем этим небесным грохотом, а дворецкий к этому часу уже пьян в стельку. Вы дрожите. Вам холодно?

МАРТИ. Мне всегда холодно.

СТИВЕН. Позвольте накинуть вам что-нибудь на плечи.

МАРТИ. Не поможет. И вы не должны касаться меня.

Прикосновения здесь запрещены.

СТИВЕН. В смысле, в Англии? Жаль, что никто мне этого не сказал до того, как я переехал сюда.

МАРТИ. Вы очень бледный, как призрак. Вы призрак?

СТИВЕН. Вроде бы нет. Еще нет. Я – Стивен Крейн. Мы

арендовали этот особняк у Моретона Фривена. А вы...

МАРТИ. Я – служанка.

СТИВЕН. Чья служанка? Где?

МАРТИ. Здесь, естественно.

СТИВЕН. Кора наняла еще одну служанку? Что ж, это прекрасно. У нас уже работает так много людей, и никто, похоже, ничего не делает, но это, в принципе, справедливо, потому что мы все равно им не платим.

МАРТИ. Кто такая Кора? И почему она вежлива по отношению к грабителям?

СТИВЕН. Я не знаю, как ответить на любой из этих вопросов. Если вы не наша служанка, то чья? Вы работаете у нашего арендатора, владельца особняка?

МАРТИ. У Огра.

СТИВЕН. У Огра? Вы работаете у Огра?

МАРТИ. Если он застанет меня с вами, то, скорее всего, убьет вас. У него жуткий характер.

СТИВЕН. Но огров нет. Это не сказка. Это Брид-Плейс, Суссекс, глубокая ночь, и я, похоже, наткнулся на безумную девушку, оказавшуюся в нашем доме.

МАРТИ. Это не ваш дом. Он принадлежит Огру. Здесь все принадлежит ему.

СТИВЕН. Откуда вы пришли? Сбежали из дурдома, который чуть дальше по дороге?

МАРТИ. Я пришла отсюда.

СТИВЕН. Но где вы живете? Где ваш дом?

МАРТИ. Здесь.

СТИВЕН. Здесь вы не живете. Здесь живу я.

МАРТИ. Это ненадолго. Вам лучше уехать из этого места, пока не поздно. В этом месте случаются всякие ужасы.

СТИВЕН. Правда? Какие ужасы случались с вами?

МАРТИ. Неописуемые.

(Пауза. Гром. Шум дождя. СТИВЕН смотрит на нее).

СТИВЕН. Ладно, кем бы вы ни были, я не могу выгнать вас из дома в такую грозу, правда?

МАРТИ. Он выгнал.

СТИВЕН. Он выгнал вас из дома в грозу?

МАРТИ. Да.

СТИВЕН. Огр?

МАРТИ. Да.

СТИВЕН. На самом деле никакого Огра нет.

МАРТИ. Возможно, вы его еще не видели. Но вы знаете, что он здесь. Вы знали с того самого момента, как вошли в этот дом? Вы чувствуете, что он здесь, так?

СТИВЕН. Я думаю, с вами случилось что-то ужасное. Могу я вам как-нибудь помочь?

МАРТИ. Вы добрый. Но у вас затравленные глаза. Вам действительно нужно уехать отсюда как можно скорее. Это жуткое место.

СТИВЕН. Тогда почему вы здесь?

МАРТИ. Я уехать не могу.

СТИВЕН. Почему? Что вас останавливает? Гроза?

МАРТИ. У вас какой-то особенный выговор. Как у иностранца.

СТИВЕН. Я особенный. Американец. Мы все особенные.

МАРТИ. Американец? Это кто?

СТИВЕН. Мы все еще пытаемся это понять.

МАРТИ. Должно быть, вы приехали из каких-то глухих краев.

СТИВЕН. Это да. Но в тех краях есть своя привлекательность.

МАРТИ. Это место полно тьмы. Надежда здесь не живет. Никто не сможет спасти вас здесь. Даже король.

СТИВЕН. Какой король? Король кошек?

МАРТИ. Король Англии, разумеется.

СТИВЕН. Нет никакого короля Англии.

МАРТИ. Нельзя так говорить. Это измена. Вас повесят.

СТИВЕН. Не думаю, что меня за это повесят. Короля здесь нет давным-давно. Есть королева. Очень старая королева.

МАРТИ. Нет, королева была молодой, и очень красивой, пока король не отрубил ей голову.

СТИВЕН. Король отрубил ей голову? Вы про короля червей?

МАРТИ. Я про короля Генриха. Вы действительно такой тупой? Потому что выглядите интеллигентным, но, похоже, ничего не знаете.

СТИВЕН. Так вы про Генриха Восьмого? По вашему, вы

живете во времена Генриха Восьмого?

МАРТИ. Это не совсем время. Это не совсем жизнь. Когда я пытаюсь думать об этом, мысли путаются. Слишком много перешептывания в моей голове.

СТИВЕН. У меня создается впечатление, что вы – призрак.

МАРТИ. Правда?

СТИВЕН. Ладно. Подыграю вам. Генрих Восьмой жил три с половиной столетия тому назад, а вы выглядите не старше девятнадцати. Если вы – призрак, тогда умерли здесь, в этом доме?

МАРТИ. Дуб. Во дворе.

СТИВЕН. Вы умерли под дубом?

МАРТИ. Не под. Он послужил виселицей.

СТИВЕН. Вас повесили на дубе? Как жестоко и грубо. Кто и почему это сделал?

МАРТИ. Я думаю, жестоко и грубо задавать бедной девушке такие вопросы, касающиеся подробностей ее смерти. Все американцы такие грубые?

СТИВЕН. В большинстве они еще хуже. Если вы не можете сказать, за что вас повесили, едва ли я смогу принять ваше утверждение, что вы – призрак.

МАРТИ. Я не утверждала, что я – призрак. Для меня все не так. Совершенно иначе.

СТИВЕН. Так за что вас повесили?

МАРТИ. Я любила ее.

СТИВЕН. Вас повесили, потому что вы кого-то любили?

МАРТИ. Я любила ее. Да. *(Начинает плакать)*.

СТИВЕН. Хорошо. Извините. Не плачьте.

МАРТИ. Вы мне не верите. А вот когда станет слишком поздно, вы мне поверите. Мужчины всегда ждут, пока не становится слишком поздно.

СТИВЕН *(инстинктивно делает шаг к ней, чтобы обнять и утешить)*. Я, правда, не хотел вас расстраивать.

МАРТИ *(избегает его объятий)*. Не прикасайтесь ко мне. Я сказала, здесь прикосновения запрещены. Обратите внимание.

СТИВЕН. Извините. Я просто хотел...

МАРТИ. Прислушайтесь. Вы слышите?

СТИВЕН. Что?

МАРТИ. Он идет. Я должна бежать.

СТИВЕН. Кто идет? Куда бежать?

МАРТИ. Не могу столкнуться с ним лицом к лицу. Не могу.

СТИВЕН. Нельзя выходить из дома в такую грозу. Это верная смерть.

МАРТИ. Вам нужно уехать отсюда, как можно быстрее. Вы пожалеете, если не уедите.

(Убегает в тени. Молния, гром, завывания ветра).

СТИВЕН. Подождите. Куда вы? Как вас зовут?

(Ветер задувает лампу. Темнота).

Может, он полон костей

(Поют птицы, смеются и бегают дети, лают собаки. Свет падает на СТИВЕНА, который на авансцене, сидит на стуле, пишет в блокноте с черным переплетом. Весна. КОРА направляется к нему, выглядит очаровательной и такой домашней в широкополой шляпе и садовых перчатках, несет в руках небольшой, явно старый, в земле, ящик из дерева и металла).

КОРА. После дождя тут действительно рай.

СТИВЕН. Я только что видел змея. С синими глазами.

КОРА. Змей я не боюсь. В свое время доводилось иметь с ними дело. Из дома ты хорошо смотришься, когда сидишь на лужайке и пишешь. Я подглядывала за тобой из спальни. Потом вышла, что посадить цветы, и вот что открыла.

СТИВЕН *(все пишет, не отрывая глаз от блокнота)*. Череп Йорика?

КОРА. Не могу открыть. Этот ящик слишком долго пролежал в земле. Посмотри. *(Останавливается за спинкой стула, наклоняется вперед, так что ящик оказывается над блокнотом, заслоняя его. С неохотой СТИВЕН перестает писать)*. Что это может быть?

СТИВЕН. Это ящик.

КОРА. Я знаю, что ящик, но что, по-твоему, в нем?

СТИВЕН. Не знаю. Открой и посмотри.

КОРА. Не могу открыть. Ключа нет.

СТИВЕН. Ты перепачкаешь землей блокнот.

(Берет ящик, осматривает).

КОРА. Какой восхитительный день. Видишь, Стиви? Зиме мы пережили, а теперь весна, на лужайке кролики. Все выглядит таким невинным. Меня всегда тянуло к невинности. Меня она зачаровывает и немного ужасает. Тетя тянет к невинности?

СТИВЕН. Только к ее иллюзии. Это невероятно старый ящик.

КОРА. Ты можешь открыть его ломиком.

СТИВЕН. Нет у меня ломика. Только карандаш.

КОРА. В одном из сараев наверняка хранятся старые инструменты.

СТИВЕН. В этих сараях пауки с твою голову.

КОРА. Думаю, меня так зачаровывает невинность, потому что сама я никогда невинной не была.

СТИВЕН. Ты совершенно невинна, по-своему. Это первое, что я в тебе заметил. Нет, пожалуй, второе.

КОРА. Ты думаешь, я невинна? Довольно странно говорить такое о женщине, за плечами которой два замужества и много чего с этим связанного.

СТИВЕН. Но в этом большая часть твоей невинности. Белокурая богиня Кора. Все еще в поиске, всегда в поиске, чего? Она не знает. Возможно, ломика.

КОРА. Я больше ничего не ищу. Нашла, что искала. А ты?

СТИВЕН. Вероятно, и я.

КОРА. Обожаю писателей. Они такие милые лжецы.

СТИВЕН. Но не очень хорошие. *(Трясет ящик)*. Что-то там гремит. Может, он полон костей? *(Ставит рядом со стулом)*.

КОРА. Мне нравится то, что ты пишешь, но я так отчаянно скучаю по тебе, когда ты пишешь. Ты словно в Африке.

СТИВЕН. В Африке мне наверняка работалось бы лучше. Это место просто дурдом. Лакей напивается с кухаркой. Садовник такой старый, что едва стоит на ногах. Горничные – законченные шлюхи, а рожденные вне брака дети моего бедного умершего друга носятся, как скаковые лошади, и орут, как баньши, гоняясь за стаей диких собак.

КОРА. Но здесь чудесно. Посмотри на эти маленькие цветы. Пурпурные и белые. Такие хрупкие в обрамлении зеленой травы. Меня неудержимо тянет к тому, что хрупкое. Хотя самая не хрупкая.

СТИВЕН. Да. Ты невинная, но не хрупкая. Мне это нравится.

(Рывком усаживает ее себе на колени).

КОРА. О-о-о-о-о! Соблюдай приличия. Призраки смотрят.

СТИВЕН. Даже если смотрит сам Господь Бог, мне без разницы. Хотя я уверен, что он не смотрит.

(Долгий поцелуй).

КОРА. Знаешь, почему я влюбилась в тебя?

СТИВЕН. Я всегда исходил из того, что ты была пьяна.

КОРА. Это да, но не только. Твои глаза. Такие огромные и такие прекрасные. И в них так много грусти. Заглянуть в твои глаза все равно, что посмотреть в бездну.

СТИВЕН. Когда ты смотришь в бездну, бездна смотрит на тебя.

КОРА. И что это, черт побери, означает?

СТИВЕН. Ты должна спросить у Ницше. Он сказал это первым.

КОРА. Я не влюблена в Ницше, и это хорошо, потому что его усы наверняка отвратительно пахнут, когда идет дождь.

СТИВЕН. Не думаю, что Ницше волнуется, как пахнут его усы. Он совершенно выжил из ума.

КОРА. От того, что слишком много писал?

СТИВЕН. Нет, он один раз побывал в борделе, случайно, когда был очень молодым, вернулся домой с сифилисом, и эти маленькие твари с тех самых пор выгрызают ему мозг.

КОРА. Мы не допускали ничего такого в «Отеле снов». У нас жил врач, который постоянно осматривал девочек. Он был самым счастливым пьяницей на свете. Ох, Стиви, ты такой худой. Мне хочется хоть немного тебя откормить. У тебя такие длинные, прекрасные кисти. Я прижимаю их к своей груди, и они такие холодные. Твои глаза пугают меня. А меня мало что пугает. Когда мы занимаемся любовью, ты никогда не закрываешь глаза. Они прожигают во мне дыры. Никто

и никогда не занимался со мной любовью со столь широко открытыми глазами. У тебя глаза Христа в аду.

СТИВЕН. Я должен отдать их ему, когда он вернется?

КОРА. Готова спорить, ты был озорным мальчишкой. Озорным мальчишкой с небесно-синими глазами и дьяволом внутри. У большинства маньяков-убийц синие глаза, знаешь ли. Но я приручила тебя, так?

СТИВЕН. Ты сожалешь?

КОРА. В сожаления я не верю. В отличие от тебя. Ты становишься все более задумчивым. Надеюсь, нет у тебя желания рвануть куда-нибудь навстречу новым приключениям и погибнуть?

СТИВЕН. Ты начинаешь скучать?

КОРА. Нет. Это невероятное приключение – изображать respectable особу. Быть принятой в приличном обществе, во всяком случае, в этом пусть довольно узком писательском кругу. Это восхитительно, общаться с такими людьми, как Киплинг и Уэллс. Но твоя задумчивость тревожит меня. Ты чувствуешь, что попал в западню? Со мной?

СТИВЕН. Неволя – естественное состояние творческого человека. Изоляция – неперемнное условие для того, чтобы произвести что-то на свет божий. Первую часть жизни мы проводим в стремлении вырваться из чрева, а остаток – отчаянно пытаюсь в него вернуться.

КОРА (*вставая и поднимая СТИВЕНА*). Пойдем в спальню, и я позволю тебе вернуться в мое чрево.

СТИВЕН. Это невероятно привлекательное предложение, но я действительно должен закончить этот рассказ в ближай-
шие день-два, чтобы отослать в «Пинкер» и получить ка-
кие-то деньги.

КОРА. Ох, Стивен, я сделала что-то ужасное.

СТИВЕН. Надеюсь, ты не пыталась вновь сварить бара-
нину? Я готов жить, как англичане, но наотрез отказываюсь
есть, как они.

КОРА. Нет, все гораздо хуже. Я пригласила Конрадов на
выходные.

СТИВЕН. Кора, ты обещала!

КОРА. Не могу понять, почему ты их не любишь. Он –
потрясающий писатель.

СТИВЕН. Я очень люблю Конрадов. Я просто не хочу,
чтобы здесь постоянно толпились люди.

КОРА. Нам повезло, что они вообще согласились прие-
хать, после того, как ты вел себя в последний раз.

СТИВЕН. А что я сделал? Я ничего не сделал.

КОРА. Ты весь вечер просидел на полу, лопоча с их мла-
денцем. Они наверняка решили, что ты безумен.

СТИВЕН. Почему они могли так решить?

КОРА. А кто, как не безумец, мог уделить весь вечер об-
щению с младенцем вместо того, чтобы поговорить о чем-то
серьезном с Джозефом Конрадом?

СТИВЕН. Родители обычно ничего не имеют против, если
кому-то нравятся их дети. Я бы не уделял младенцу столько

внимания, если бы у нас были один или два свои.

КОРА. Дети? У нас?

СТИВЕН. Неужели это такая дикая идея?

КОРА. Но зачем?

СТИВЕН. Что значит, зачем?

КОРА. С какой целью?

СТИВЕН. Да причем здесь цель? Хотя бы из удовольствия создать новое существо и наблюдать, как оно играет. Что плохого в детях? Тебе нравятся дети Фредерика.

КОРА. Я люблю чужих детей, потому что всегда могу от них уйти, если они начинают сводить меня с ума, но, убей Бог, не могу понять, зачем нам с тобой нужны свои дети? У тебя есть твоя работа, у меня – моя. Ты постоянно жалуешься, что у тебя нет времени писать. А столько времени у тебя будет, если вокруг будут бегать наши отпрыски, с нескончаемыми криками и просьбами? Чего ты вдруг задумался о детях?

СТИВЕН. Я задумался не вдруг. Я часто думал о детях. Они меня завораживают. Я постоянно задаюсь вопросом, а о чем они думают? Они гораздо ближе к другому месту.

КОРА. Какому другому месту?

СТИВЕН. Нашему предыдущему занятию. Театру, в котором мы играли до того, как появились здесь.

КОРА. Я понятия не имею, что это значит. Младенец орет, сосет, блюет, писает, испражняется с невероятной частотой, воняет, немножко спит, проделывает все это вновь. Он ни о

чем не думает.

СТИВЕН. Откуда ты это знаешь?

КОРА. Есть вещественные доказательства того, что он все время ссыт и спит. С чего ты решил, что он еще и думает?

СТИВЕН. Потому что он – человеческое существо.

КОРА. Знаешь, не совсем.

СТИВЕН. Кстати, я почти что помню.

КОРА. Помнишь что?

СТИВЕН. Если бы я мог вспомнить, я бы объяснил. Но не могу, теперь. Хотя вроде бы припоминаю, что все помнил, когда был ребенком. Но младенческие воспоминания ускользают все дальше и дальше по мере того, как человек становится старше. Совсем как у Вордсворта.

КОРА. Совсем это не похоже на Вордсворта. Вордсворт не был безумцем. И я уверена, не стал бы он весь вечер сидеть на полу, корча рожицы младенцу.

СТИВЕН. Так я безумен, потому что люблю детей?

КОРА. Не потому, что любишь. Потому что их хочешь.

СТИВЕН. То есть желанья иметь ребенка у тебя никогда не будет?

КОРА. Стивен, если ты хочешь ребенка, попробуй девять месяцев поносить его в себе, а потом вытолкнуть через маленькую дырочку между ног. Если это не умерит твой энтузиазм, можешь продолжить. Только не рассчитывай, что я буду заботиться о них. А теперь я должна определить, в какой спальне минимум плесени, чтобы поселить там Конра-

дов. К сожалению, они не привезут младенца, поэтому, если ты намерен провести субботний вечер на полу, говорить тебе придется с собакой.

СТИВЕН. Твое предложение мне нравится.

КОРА. А что насчет ящика?

СТИВЕН. Ящика?

КОРА. Да. Будем мы его вскрывать, чтобы посмотреть, что внутри?

СТИВЕН. Может, оставим все, как есть. Не будем тревожить тайну. Глядишь, и найдем ключ.

КОРА. Какой ключ? Этот ящик пролежал в земле лет триста. Ну почему писатели такие дураки? *(Отходит, возвращается, эротично целует в губы, смотрит на него, обхватив его голову руками)*. Ребенок. Святой Боже. Да ты сам ребенок. *(Целует в нос и уходит)*.

СТИВЕН. Совершенно верно. Конечно, ты права, Кора. Иметь ребенка – полнейшая бессмыслица, здешняя сторона смерти. Да о чем я только думал?

(Поднимает ящик, смотрит на него, трясет, прислушиваясь, как гремит содержимое ящика. Свет гаснет под карканье ворон).

6

Очень странный сон

(Ночь. Цикады. Сад за особняком залит лунным светом.

СТИВЕН натывается на МАРТИ, которая сидит на скамье).

МАРТИ. Я знала, что сегодня вы придете.

СТИВЕН. Как вы могли это знать, если я сам не знал?

МАРТИ. Что-то в ваших глазах.

СТИВЕН. Вы можете читать по моим глазам? Что ж, это талант. Но правда в том, что вы преследуете меня.

МАРТИ. С какой стати мне преследовать вас? Или вы думаете, у меня недостаточно проблем и без того, что внезапно подсакивать к незнакомому мужчине и кричать ему на ухо: «Бу-у-у»?!

СТИВЕН. Я про то, что много думал о вас в моей другой жизни. После пробуждения.

МАРТИ. А эта ваша жизнь не после пробуждения?

СТИВЕН. На самом деле, я не знаю, что это. Но точно знаю, что думал о вас, в те долгие дни, когда вроде бы был кем-то еще. Не то, чтобы кем-то еще, но... Не знаю, как мне это объяснить. Я думаю, у нас есть что-то общее, у вас и у меня. Мы оба движемся сквозь существование необъяснимыми, постоянно растворяющимися, исчезающими в воздухе.

МАРТИ. Никогда не видела вас исчезающим.

СТИВЕН. Большую часть своего времени я пишу, и то, что я пишу, исчезает, даже когда я это пишу. Такое ощущение, что пишу я страницу за страницей в одной комнате, тогда как Бог сидит в соседней, чтобы съесть их, одну за другой.

МАРТИ. По мне писательство исключительно глупое занятие.

СТИВЕН. Да, очень часто. Но не всегда. (*Смотрит на нее*).

МАРТИ. Что? На что вы тарачитесь?

СТИВЕН. Вы такая красивая, призрак. Я чувствую, что знал вас, как-то, когда-то. Словно... (*Пауза. Завывание ветра*). Вы дрожите. Чего вы боитесь?

МАРТИ. Что-то злое прошло совсем близко. Я это почувствовала. Что-то очень черное.

СТИВЕН. Знаете, Генри Джеймс время от времени заезжает, чтобы сыграть в шахматы, но уверяю вас, он совершенно безобидный.

МАРТИ. Нет. Что-то вроде меня. Но не такое, как я. Со всем другим... не могу понять, какое именно. Кишащее пауками.

СТИВЕН. Я не понимаю, чего бояться, если ты умер. Смерти бояться нет нужды. Боли тоже.

МАРТИ. Смерть не обрывает истинные эмоции.

СТИВЕН. То есть, нет конца любви, или ненависти?

МАРТИ. Я не хочу об этом говорить.

СТИВЕН (*садится рядом с ней*). Но я хочу понять. Вы действительно здесь, сейчас, в этом времени и пространстве, или мне это снится, или я схожу с ума? Вы сказали, что прикосновения здесь запрещены. Но я задаюсь вопросом, получится у меня прикоснуться к вам или вы – движущаяся фотография из другого времени? Потому что вы для меня совершенно реальная. Чуть ли не более реальная, чем моя другая жизнь. Словно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.